

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ КАЛЬКИРОВАНИИ И «ВТОРИЧНОМ ЗАИМСТВОВАНИИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУБЕЖА XX—XXI ВЕКОВ*

© 2015 г. А. А. Горбов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 199034, Россия
verde2002@yandex.ru

В статье рассматривается механизм семантического калькирования как одного из важнейших инструментов иноязычного контактного влияния на русский язык, резко усилившегося на рубеже XX—XXI вв. Изучение типичных примеров показывает, что одним из главных критериев выявления семантической кальки является переводная эквивалентность слов языка-источника и языка-реципиента на уровне значения, являющегося исходным для того переносного значения, которое приобретает слово языка-реципиента. В связи с понятием семантического калькирования критическому рассмотрению подвергается понятие «вторичного заимствования». Анализ показывает, что в объем этого понятия исследователи включают разнородные явления — от случаев явного семантического калькирования до случаев материального заимствования слов, чей план выражения случайным образом совпадает с планом выражения более ранних заимствований.

Ключевые слова: русский язык, языковые контакты, семантическое калькирование, вторичное заимствование

ON SEMANTIC CALQUING AND ‘SECONDARY BORROWING’ IN RUSSIAN AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

Andrei A. Gorbov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia
verde2002@yandex.ru

The paper discusses the mechanism of loan translation as one of the major instruments of foreign language contact influence on Russian, which has seen a sharp rise at the turn of the 21st century. Particular attention is paid to semantic calquing — a type of loan translation that is more difficult to reveal due to the absence of formal similarities in source and target language structures. Case studies show that direct meaning translation correspondence between a word in the source language and a word in the replica language is a basic criterion to decide whether or not a particular transferred meaning is a case of semantic calquing (polysemy copying). In connection with the discussion of semantic calquing, the paper criticizes the concept of “secondary borrowing”, which is sometimes claimed to be a language contact mechanism distinct from both direct lexical borrowing and loan translation (calquing). The analysis shows that this concept includes essentially different phenomena — instances of polysemy copying (semantic calquing) as well as cases of direct borrowing of lexemes homonymous with previously borrowed loanwords. The paper thus proves that direct borrowing and calquing are the only two language contact mechanisms operating on the lexical level, while the term “secondary borrowing” can only refer to (sometimes random) formal coincidence between a new and an existing loanword.

Keywords: Russian, language contact, calquing, loan translation, polysemy copying, secondary borrowing

* Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-1778.2014.6.

Вводные замечания

Усиление иноязычного влияния на русский язык на рубеже XX—XXI вв. стало предметом многих исследований, в которых, однако, основное влияние уделяется прямым лексическим заимствованиям. Между тем важным аспектом контактного влияния являются и процессы калькирования. В первую очередь следует обратить внимание на семантическое калькирование, поскольку в русском языке последних десятилетий преобладает именно этот тип (тогда как в XIX в. чаще имело место словообразовательное калькирование), ср. [Крысин 2004: 223].

Именно семантическое калькирование, как представляется, приводит не только к расширению лексической семантики отдельных слов, но и к запуску процессов изменений в области грамматики. При этом анализу процессов калькирования уделяется гораздо меньше внимания, чем рассмотрению вопросов, связанных с прямым лексическим заимствованием. Л. П. Крысин объясняет это двумя факторами: во-первых, малым количеством калек в языке по сравнению с числом прямых заимствований, и во-вторых, трудностью выявления калек ввиду отсутствия четких критериев, по которым то или иное новообразование следует считать результатом иноязычного влияния, а не процесса развития языка в соответствии с его внутренними закономерностями [Там же: 221]. С доводом Л. П. Крысина о трудности выявления калек следует, по-видимому, согласиться. При этом, однако, утверждение о малом количестве калек не представляется убедительным, поскольку остаются неясными основания для сравнения количества калек и прямых заимствований: возможно, впечатление малочисленности калек создается именно из-за того, что большая их часть остается невыявленной (ср. мнение Ш. Балли, считавшего материальное заимствование явлением «значительно менее распространенным, чем калька» [Балли 1961: 71]).

Наряду с понятием семантического калькирования в некоторых авторитетных лингвистических исследованиях вводится понятие «вторичного заимствования», которое охватывает явления, которые трудно отличить от семантического калькирования. В связи с этим требуется обсуждение вопроса о соотношении двух понятий.

1. О механизме семантического калькирования и одном необходимом критерии его выявления

Калькирование представляет собой «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода» [ЛЭС: 211] без заимствования материального экспонента иноязычной лексической единицы. Таким образом, в результате калькирования фактически заимствуемый иноязычный элемент оказывается оформлен средствами воспринимающего языка — исконными или заимствованными, но хорошо освоенными. Этот факт сам по себе в значительной степени затрудняет выявление калки, поскольку любой значащий элемент выявляется прежде всего с опорой на план выражения (ср. в этой связи особые основания для выделения и специфические трудности при выявлении нулевых знаков). Неслучайно также то, что, хотя калькирование и считается обычно видом заимствования, калки в словари иностранных / иноязычных слов не включаются и де-факто заимствованными / иноязычными единицами не признаются (следует также отметить, что некоторые лингвисты вообще не включают калькирование в объем понятия заимствования, ср., например, [Ефремов 1974: 79—86]). Тем не менее практически все исследователи признают тот факт, что калки, как и материальные заимствования, являются результатом контактного влияния одного языка (языка-источника) на другой (язык-реципиент).

Носители русского языка (в том числе лингвисты, специально не занимавшиеся темой калькирования) обычно не ощущают следов какого-либо иноязычного влияния в таких калках, как *необходимо*, *мировоззрение*, *мероприятие* (словообразовательные калки с немецкого) или *без задней мысли* (фразеологическая калка с французского), поскольку

восприятие знаков осуществляется через их материальные экспоненты, которые в таких случаях чаще всего являются исконными (реже — ранее освоенными заимствованиями). Идеальным доказательством факта калькирования могло бы быть документальное подтверждение зависимости наименования в одном языке от наименования с той же мотивировкой в другом языке, а поскольку калькирование в любом случае является результатом перевода, таким подтверждением могли бы служить сведения об источнике, времени и обстоятельствах осуществления этого перевода. Между тем во многих случаях предполагаемого калькирования такие сведения отсутствуют, и при установлении факта калькирования приходится пользоваться вероятностными критериями.

Необходимыми условиями для выдвижения обоснованной гипотезы о калькировании являются наличие культурного контакта предполагаемого языка-реципиента с предполагаемым языком-источником и отсутствие в предполагаемом языке-реципиенте в периоды, предшествующие установлению контакта, лексической единицы с соответствующими свойствами. При этом под «соответствующими свойствами» для словообразовательных и фразеологических калек понимается не только соответствие значений, но и структурное соответствие элементов плана выражения, ср.:

не-об-ход-им-(о) < Un-um-gäng-lich
без задней мысли < sans arrière-pensée

В связи с этим представляется естественным тот факт, что наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических, а не словообразовательных или фразеологических калек. Поскольку семантическое калькирование предполагает лишь получение из чужого языка нового (переносного) значения уже существующей в языке-реципиенте лексической единицей (ср. [Маринова 2012: 107]), в плане выражения не содержится уже абсолютно никакой информации о возможном иноязычном влиянии. На этом основывалось предложение Ю. С. Сорокина об исключении семантических калек из состава калек вообще [Сорокин 1965: 165], что привело бы к отрицанию самого явления семантического калькирования.

Представляется, однако, что факторы, позволяющие предполагать наличие семантической кальки с достаточно высокой вероятностью, все же существуют и в принципе аналогичны указанным выше условиям, с той лишь разницей, что вместо критерия структурного соответствия в плане выражения в данном случае должен применяться критерий, отражающий сущность процесса семантического калькирования как приобретения лексической единицей языка-реципиента переносного значения по аналогии с лексической единицей языка-источника.

Рассмотрим в этой связи прилагательное *крутой*, широко употребляемое в оценочных переносных значениях, развившихся у него еще в 1980-е годы в жаргонной речи, а в 1990-е годы вошедших в литературный язык вследствие распространения через средства массовой информации, ср. следующие примеры из основного и газетного корпусов [НКРЯ]:

- (1) Передоверять замирение Кавказа наиболее **крутым** и беспринципным из числа тамошних авторитетов — значит в конце концов потерять Кавказ, отдав при этом куда больше, чем просил когда-то Дудаев [Д. Быков. Два теракта // Труд-7. 27.01.2011].
- (2) **Крутые** парни — это простые парни: «Дать этой суке по морде, и все дела» [Д. Драгунский. Матрица // Частный корреспондент (2010)].

Такие употребления прилагательного *крутой* в некоторых авторитетных исследованиях трактуются как семантическая калька с английского языка, однако в отношении объекта калькирования нет полной определенности: указываются прилагательные *tough* и *cool* (см., например, [Крысин 1996: 161] со ссылкой на [Земская, Розина 1994]; [Крысин 2000]). В других работах высказывается сомнение в правильности такой трактовки. В частности, Л. П. Крысин в более поздних работах указывает на возможность саморазвития семантики слов *крутой* и *круто*: значения прилагательного *крутой* в контекстах типа приведенных

в примерах (1) и (2) действительно вполне могут быть логически выведены из значений, реализуемых в сочетаниях *крутые меры* и *крутой характер* (ср. [Крысин 2002: 31; 2004: 221]). При этом такой путь развития нового значения признается, по-видимому, равновероятным его появлению в результате калькирования, поскольку не приводится ни аргументов в пользу одной из двух трактовок, ни возражений против какой-либо из них.

В случае признания прилагательного *крутой* калькой обращает на себя внимание тот факт, что объектами калькирования могут считаться сразу два английских прилагательных — *tough* и *cool*. Это, по-видимому, не случайно и обусловлено диффузностью оценочного значения русского прилагательного, которое в разных контекстах актуализирует разные оттенки концептуального значения и имеет различные коннотации.

Так, в примерах (1) и (2) слово *крутой* (*круче*) употреблено в значении ‘отличающийся особой силой, агрессивный, и впечатляющий этими качествами’ (ср. толкование в словаре [Скляревская 2008: 519], значение 1). В таком употреблении прилагательное *крутой* может быть признано переводным эквивалентом английского прилагательного *tough* в значении ‘strong and prone to violence’ (‘сильный и склонный к насилию’) [Oxford]. Концептуально близкое значение рассматриваемое прилагательное может иметь в контекстах, предполагающих не только отрицательную (как в приведенных выше примерах), но и положительную оценку соответствующих качеств, которые представляются как некий образец для подражания, ср.:

- (3) В одном из эпизодов герой Дизеля сходит с стенка на стенку с **крутым** американским копом (Джонсон), за которым — огромная сила полицейской машины [С. Тюркин. Фильмы недели со Стасом Тюркиным // Комсомольская правда. 28.04.2011] (*крутой* ≈ *tough*).
- (4) «Ну, это по-настоящему отличные парни, по-настоящему **крутые** парни. Один из них был очень мужественный человек, проехавший несколько тысяч километров на двухколесном мотоцикле. Он инвалид с одной ногой, вторую он потерял где-то в Югославии во время войны. Я не **крутой**, вот эти парни, они — да», — отметил премьер [Путин признался Наоми Кэмпбелл, что он «не крутой» // РБК Daily. 01.02.2011].

Возможность представления «крутизмы» (т. е. демонстрируемой всем окружающим силы в сочетании с агрессивностью) как положительного качества связана, по-видимому, с социально-экономическими изменениями, которые произошли на постсоветском пространстве в конце XX в. и повлекли за собой переориентацию системы ценностей, что привело «к актуализации определенной группы признаков слов и к развитию у них новых оценочных значений со знаком плюс» [Ермакова 2008: 69]¹.

В связи с такой «переоценкой ценностей», как представляется, лексическая семантика прилагательного *крутой* могла претерпеть изменения и расширяться, что могло привести к переводной эквивалентности этого прилагательного — только в приведенной группе значений — английскому прилагательному *tough*.

Впрочем, в разных контекстах у прилагательного *крутой* в переносном оценочном значении актуализируются различные семы. В некоторых случаях — особенно когда речь идет о положительной оценке — сила и агрессивность может восприниматься не только в прямом, но и метафорическом смысле, как сила производимого впечатления и активное воздействие на сознание окружающих. При таком переосмыслении силы и агрессивности

¹ В частности, агрессивность в постсоветском обществе часто оценивается как качество не исключительно отрицательное, а в известных пределах и положительное, поскольку для достижения *успеха* (еще одно ключевое понятие постсоветской эпохи) необходимо выдвинуться в центр внимания, оттеснив конкурентов (ср. название популярной книги Й. Спэлстра «Агрессивный маркетинг: как увеличить свой доход, расправившись с затратами» (СПб., 2005) или самопредставление фирмы как «молодой агрессивной компании» в объявлении о приеме на работу: <http://spb.hh.ru/vacancy/8468608> — дата обращения 17.04.2014). Такого рода агрессивность и, соответственно, «крутизна» часто связывается с американской манерой поведения, что, возможно, и привело исследователей к предположению о том, что оценочное значение прилагательного *крутой* является калькой с английского.

в сочетании с положительной оценкой переводным эквивалентом прилагательного *крутой* в английском языке окажется прилагательное *cool* в значении ‘very attractive, fashionable, interesting etc. in a way that people admire — used in order to show approval’ (‘весьма привлекательный, модный, интересный и т. п. и в силу этого вызывающий у людей восхищение — употребляется для выражения одобрения’) [Longman].

В связи с высказанными соображениями интерес представляет пример (4). С одной стороны, «крутыми парнями» в нем называются сильные люди с твердым характером (что соответствует понятию *tough*); с другой стороны, говорящий выражает восхищение такими качествами, указывая на них как на наиболее привлекательные. Таким образом, значение прилагательного *крутой* в этом примере может быть передано в английском переводе как прилагательным *tough*, так и прилагательным *cool*.

Безусловно, существуют и контексты, в которых значение слова *крутой* сводится лишь к сильному положительному впечатлению, которое производит определяемый объект на окружающих, и соответствует оценочному значению английского прилагательного *cool*, но не *tough*, ср.:

- (5) — Я просто дива в этом платье, — комментирует Валерия, — Оно очень **крутое!** [Наталья Тубольцева. Мисс Стиль «КП» Валерия Шарыгина: «Обожаю экспериментировать со своей внешностью!» // Комсомольская правда. 18.04.2011].
- (6) — Установи, как положено, номера, и твой мотоцикл будет выглядеть еще **круче**, — советует Геннадий Дмитриевич [Н. Ступников. За прошедший год на областных дорогах погибли 13 детей // Комсомольская правда. 14.05.2011].

Такое значение полностью соответствует дефиниции, данной в словаре [Скляревская 2008], значение 3: «Производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный».

Таким образом, спектр экспрессивно-оценочных значений у прилагательного *крутой* шире, чем у каждого из двух английских прилагательных (*tough* и *cool*), которые, по имеющимся гипотезам, являются объектами калькирования: в части контекстов *крутой* соответствует по значению только английскому прилагательному *tough*, в части — только *cool*, а в некоторых случаях в качестве перевода может быть выбрано любое из двух английских прилагательных. В связи с этим возникают сомнения в том, что в данном случае имеет место калькирование с какого-либо одного из двух английских слов. Кроме того, переносные оценочные значения, реализуемые прилагательным *крутой*, безусловно, связаны между собой общей идеей неординарности и силы производимого впечатления, что позволяет считать их оттенками одного значения и заставляет усомниться в том, что мы имеем дело с двумя кальками с разных английских слов.

Чтобы разрешить возникшие сомнения, необходимо, как представляется, обратиться к сущности семантического калькирования как контактного влияния одного языка на другой.

Механизм семантического калькирования может быть описан следующим образом. В некоторый период времени язык L1 оказывает влияние на язык L2, являясь для последнего источником пополнения лексикона. Язык L2 нуждается в лексической единице для передачи значения ‘X’, которое передается в языке L1 лексической единицей WL1 и является в этом языке производным значением, образованным путем переноса наименования от значения ‘X’ лексической единицы WL1. Чтобы имело место семантическое калькирование, в языке L2 должна существовать некоторая лексическая единица WL2, которая по аналогии с лексической единицей WL1 языка L1 приобретет переносное значение ‘X’. Возникает вопрос, каким образом в языке L2 осуществляется выбор лексической единицы для выражения переносного значения ‘X’: является ли такой выбор произвольным или имеются какие-либо факторы, ограничивающие свободу выбора?

Логичным представляется следующее предположение: поскольку наличие значения ‘X’ у лексической единицы WL1 является результатом переноса наименования от исходного значения ‘X’, то и лексическая единица WL2 языка реципиента должна иметь значение ‘X’, т. е. между единицами WL1 и WL2 языков L1 и L2 должна заранее наблюдаться переводная

эквивалентность на уровне значения 'X' — значения, являющегося исходным для переносного значения 'X'.

Соответственно, механизм семантического калькирования можно представить в виде следующей схемы:

1. До калькирования: устоявшаяся переводная эквивалентность на уровне исходного значения			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность)			
L2:	WL2:	'X'	
2. Калькирование: добавление значения			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность) →			↓ (аналогия)
L2:	WL2:	'X'	'X''
3. Калькирование осуществлено: расширение зоны переводной эквивалентности			
Язык	Лексическая единица	Значения	
		исходное	переносное
L1:	WL1:	'X'	'X''
(переводная эквивалентность)			
L2:	WL2:	'X'	'X''

Схема 1. Этапы семантического калькирования

Таким образом, для выражения требуемого значения выбирается лексическая единица WL2 языка-реципиента L2, которая является устоявшимся переводным эквивалентом единицы WL1 языка-источника L2 на уровне исходного значения 'X' (такая эквивалентность является необходимым, но, естественно, не достаточным условием).

В работах, где вводится и определяется понятие семантической кальки, приводимые авторами иллюстративные примеры отвечают требованию словарной переводной эквивалентности на уровне исходных значений. В частности, механизм приобретения русским глаголом *трогать* переносного значения «волновать чувства» под влиянием французского глагола *toucher* (пример Анны А. Зализняк, http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KALKA.html) в качестве необходимого предварительного условия предполагает наличие словарного соответствия на уровне исходных значений: 'X'_(WL1 = TOUCHER) = 'X'_(WL2 = ТРОГАТЬ), ср.: 'X'_(TOUCHER): «1. [Le suj. désigne un animé ou une partie de son corps, qui entre en contact direct avec ce que désigne le compl.] a) Entrer en contact avec quelqu'un, quelque chose. (1. [Субъект обозначает одушевленный предмет или часть его тела, который/ая входит в непосредственный контакт с тем, что обозначается объектом]. а) Входить в контакт с кем-либо, чем-либо)» [CNRTL]; 'X'_(ТРОГАТЬ): «1. Прикасаться к кому-, чему-л., дотрагиваться» [MAC]. Таким образом, имеет место тождество исходного значения 'X', благодаря чему становится возможным калькирование имеющегося у единицы WL1 переносного значения 'X'_(TOUCHER): «6. *Au fig.*

a) [Le suj. désigne qqc. d'abstr.] Provoquer une impression affective ou intellectuelle déterminée; affecter d'une manière précise. b) Émouvoir en suscitant une sympathie profonde, des sentiments d'affection. (6. *Перен.* а) [Субъект обозначает что-л. отвлеченное] Производить определенное эмоциональное или интеллектуальное впечатление, оказывать определенное влияние. б) Волновать, вызывая глубокую симпатию, нежные чувства)» [CNRTL].

Необходимость переводной эквивалентности на уровне исходных значений для признания факта семантического калькирования кажется интуитивно ясной: словарное соответствие на этом уровне демонстрируют все без исключения бесспорные семантические кальки и их иноязычные прототипы, приводимые в работах, где определяется понятие и/или описывается сущность семантического калькирования. Однако эксплицитно о соответствии исходных значений лексических единиц языка-источника и языка-реципиента как об условии семантического калькирования упоминает лишь Е. В. Маринова (см. [Маринова 2012: 136]).

Представляется, что применение критерия соответствия исходных значений лексических единиц в языке-источнике и языке-реципиенте позволяет отграничить появившиеся в русском языке рубежа XX—XXI вв. новые семантические кальки от случаев самостоятельной семантической деривации, а игнорирование указанного критерия при установлении фактов калькирования может привести к ошибочному признанию кальками результатов самостоятельного развития у лексических единиц новых значений.

Именно такая ошибка имеет место в случае признания прилагательного *крутой*, употребляемого в переносных оценочных значениях, семантической калькой с английских прилагательных *tough* и *cool* (или любого одного из них). Легко видеть, что попытка приложить приведенную схему процесса калькирования к переносным оценочным значениям прилагательного *крутой* (и предикатива *круто*) даст отрицательный результат: как показал проведенный выше анализ примеров, эквивалентность между переносными значениями ('X') устанавливается (см. выше комментарии к примерам), однако сопоставление исходных значений свидетельствует об отсутствии эквивалентности, ср.:

'X'_(TOUGH) = 1. (Of a substance or object) strong enough to withstand adverse conditions or rough handling [...] (1. (О материале или предмете) достаточно прочный, чтобы выдерживать неблагоприятные условия или небрежное обращение [...]) [Oxford].

'X'_(COOL) = 1. Of or at a fairly low temperature (1. Характеризующийся относительно низкой температурой, имеющий место при относительно низкой температуре) [Oxford].

'X'_(КРУТОЙ) = 1. Почти отвесный, обрывистый [...] || Резко изогнутый или очерченный; выпуклый [...] || Высоко поднимающийся [...] [MAC].

Таким образом, ввиду несоответствия исходного значения прилагательного *крутой* исходным значениям прилагательных *tough* и *cool* переносные значения русского прилагательного нельзя признать полученными в результате калькирования: появление у прилагательного *крутой* переносных оценочных значений 'отличающийся особой силой, агрессивный, и впечатляющий этими качествами' и 'производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный' является результатом самостоятельного развития семантики русского прилагательного на основе имеющихся у него зафиксированных в словаре [MAC] значений «Суровый, упрямый, своевольный [...] || Очень строгий, решительный, резкий» и «Проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью [...]».

Иначе обстоит дело в случаях восполнения числовых парадигм некоторых абстрактных существительных — *продажа*, *озабоченность*, *практика* и др. — и их употребления во множественном числе: *повысить объемы продаж*, *снять озабоченности сторон*, *потребительские практики* и т. п. Такому употреблению в значительной степени способствует появление у этих слов новых значений, по-видимому, калькированных с английского языка.

В частности, подавляющее большинство употреблений форм мн. ч. лексемы *продажа* приходится на случаи реализации ею значений 'сбыт продукции как направление коммерческой деятельности' и 'количество проданных товаров, объем товарооборота', не

зафиксированных в толковых словарях русского языка и появившихся у данной леммы в результате семантического калькирования с английского языка, где именно эти значения реализуются только формой мн. ч. *sales*, что специально отмечается в английских толковых словарях (например, [Oxford]). Таким образом, в данном случае восполнение числовой парадигмы происходит не в последнюю очередь, хотя и не исключительно, за счет новых значений, появившихся у леммы *продажа* (а точнее, лишь у ее форм мн. ч.) в последние три десятилетия в результате калькирования. Подробный анализ динамики развития парадигмы слова *продажа* содержится в статье [Горбов 2014]. Следует особо отметить, что предположение о калькировании лишалось бы всякого основания, если бы не наблюдалось переводной эквивалентности между словами *sale* и *продажа* на уровне их исходного значения — ‘действие по глаг. продать-продавать’ [Ушаков; МАС] и ‘the action of selling something’ [Oxford]. Таким образом, механизм семантического калькирования, запуск которого способствовал восполнению числовой парадигмы данного существительного, полностью укладывается в приведенную выше схему, если переменным приписать следующие значения:

L1 = английский; WL1 = *sale*
L2 = русский; WL2 = *продажа*

‘X’_(SALE) = «The action of selling something» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА) = «действие по глаг. продать-продавать» [Ушаков; МАС]

а) ‘X’_(SALE, pl) = «A quantity or amount sold» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА, мн.) = «количество проданных товаров или стоимость проданных товаров» [в словарях не зафиксировано], ср.:

(7) В результате **продаж** в денежном выражении вырастут на 70—80 млн долл. [А. Саруханов. «Амтел-Фредештайн» доехал до Москвы // РБК Daily. 27.07.2006];

б) ‘X’_(SALE, pl) = «The activity or business of selling products» [Oxford] = ‘X’_(ПРОДАЖА, мн.) = «деятельность или занятость в области продажи продукции» [в словарях не зафиксировано], ср.:

(8) «У нас первые дни всегда проходят в бесконечных совещаниях, — рассказывает менеджер по **продажам** Сергей Дубенцов [А. Ильина, Н. Чудова. Чем занять отдел во время посленовогоднего затишья // Труд-7. 14.01.2011].

В принципе аналогичная ситуация наблюдается с формами мн. ч. лексем *озабоченность* и *практика*, отсутствующими в текстах, созданных ранее середины 1990-х гг. В отличие от числовых парадигм существительных *риск* и *продажа*, подробно проанализированных в статье [Горбов 2014], числовые парадигмы лексем *озабоченность* и *практика*, согласно данным НКРЯ, были дефектными на всем протяжении существования этих слов в русском языке вплоть до конца XX в., и их формы мн. ч. вошли в узус лишь в 1990-е гг.: первое употребление формы мн. ч. существительного *озабоченность*, зафиксированное в основном корпусе НКРЯ, относится к 1998 г., формы мн. ч. существительного *практика* — к 1996 г. Развитие полных числовых парадигм у этих слов является прямым результатом появления у них новых значений в результате семантического калькирования.

Так, существительное *озабоченность* помимо ранее имевшегося у него значения «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [МАС] в последнее десятилетие XX в. приобрело новое значение ‘*повод для беспокойства; проблема, вызывающая особую тревогу*’, в котором употребляется как исчисляемое существительное с полной числовой парадигмой, ср.:

(9) Полагаем, что будет ускорен процесс разрешения законных **озабоченностей** России, еще сохраняющихся в отношениях с Европейским союзом [Ответ официального представителя МИД России на вопрос ИТАР-ТАСС, других информационных агентств в связи с одобрением саммитом ЕС текста Конституции Евросоюза // «Дипломатический вестник» (2004)].

Указанное значение появилось у леммы *озабоченность* в результате семантического калькирования с англ. *concern*, стандартным переводным эквивалентом которого в русском

языке, особенно в дипломатическом дискурсе, является существительное *озабоченность*. В связи с этим следует отметить, что в основном корпусе НКРЯ значительная доля вхождений лексемы *озабоченность* в текстах, созданных после 1990 г., приходится именно на тексты по проблемам международных отношений. По данным корпуса, доля употреблений форм мн. ч. рассматриваемой лексемы составляет в текстах 2001—2005 гг. 22,3 % (100 из 448 вхождений за указанный период); в текстах же 1981—2000 гг. этот показатель составляет всего 1,9 % (2 из 207 вхождений), а в текстах до 1980 г. употреблений форм мн. ч. этого существительного в НКРЯ не зафиксировано.

В настоящее время такое употребление вышло за рамки дипломатического дискурса и стало достаточно частотным в текстах широкой общественно-политической тематики, ср.:

- (10) Я в целом знаком, мне докладывали и о тех проблемах и **озабоченностях**, которые вас волнуют сегодня [Встреча В. В. Путина с жителями Беслана. Обобщение // РИА Новости. 02.09.2005].

В данном случае гипотеза о семантическом калькировании представляется вполне обоснованной, поскольку имеется переводная эквивалентность на уровне исходного значения, и механизм развития нового переносного значения у существительного *озабоченность* укладывается в описанную выше схему:

L1 = английский; WL1 = *concern*

L2 = русский; WL2 = *озабоченность*

‘X’_(CONCERN) = «anxiety, worry» [Oxford] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «свойство или состояние по знач. прил. *озабоченный*» [Ушаков; МАС]. Согласно данным переводных словарей [НБАРС; НБРАС], прилагательное *concerned* является одним из основных переводных эквивалентов прилагательного *озабоченный*; что касается переводных эквивалентов самого существительного *concern*, в качестве таковых приводятся лишь синонимы *беспокойство, забота, тревога*, однако в НБАРС слово *озабоченность* употребляется в примерах переводов коллокаций («to express deep [concern] — выражать большую озабоченность; to cause [concern] — вызывать беспокойство /тревогу, озабоченность/»). В данном — исходном — значении существительное *concern*, как и русское *озабоченность*, является неисчисляемым.

‘X’_(CONCERN) = «A cause of anxiety or worry» [Oxford] = ‘X’_(ОЗАБОЧЕННОСТЬ) = «повод для беспокойства или тревоги» (в словарях не зафиксировано). В этом значении существительное *озабоченность*, так же как и *concern*, является исчисляемым и имеет полную числовую парадигму. Следует отметить, что в данном случае имеет место вполне естественный метонимический перенос, и в принципе новое значение могло бы развиваться без иноязычного влияния, однако условия появления этого значения (в частности, тот факт, что новое значение фиксируется прежде всего в текстах одной из тематических групп, в наибольшей степени подверженных влиянию английского языка) свидетельствуют об обратном. При этом обязательной предпосылкой семантического калькирования переносного значения является, как и в других рассмотренных случаях, переводная эквивалентность на уровне исходного значения.

Существительное *практика* также становится исчисляемым в новом значении ‘обычный способ поведения или выполнения каких-л. действий или процедур’, и, несмотря на наличие в соответствующей статье словаря [Крысин 2010б] ограничительной пометы «мн. нет», в начале XXI в. начинает употребляться в формах мн. ч., например, в коллокациях *потребительские практики, эзотерические практики, социальные практики, сексуальные практики, речевые практики* и т. п., ср.:

- (11) Однако Высоцкий не знал необходимых духовных **практик**, и прежде всего — практики смирения, добровольной бедности и упования на Бога [В. Емельянов. Спортлото, или Мироздание по Высоцкому (2003) // «Лебедь» (Бостон). 14.07.2003].
- (12) Во-первых, социальные **практики** приводят к изменению качества жизни [Резник 2008: 86].

Точная количественная оценка роста частоты употребления форм мн. ч. по НКРЯ в данном случае затруднена омонимией не только падежно-числовых форм лексемы *практика*, но и их омонимией с формами лексемы *практик* ('работник, который хорошо изучил свое дело на практике' и 'практичный, деловой человек' — толкования по словарю [Крысин 2010б]). Значительно проще произвести такую оценку только для случаев употребления рассматриваемой лексемы в сочетаниях с зависимыми прилагательными в препозиции, задав в критериях лексико-грамматического поиска соответствующие флексии прилагательных женского рода и исключив таким образом попадание в выборку большей части омонимичных форм слова *практик*. Согласно результатам поиска в основном корпусе НКРЯ, случаи употребления лексемы *практика* во множественном числе в сочетании с зависимым прилагательным в текстах, созданных до начала XXI в., отсутствуют: наиболее ранний по времени создания текст, содержащий такое сочетание, относится к 2002 г. (в газетном корпусе, где представлены тексты, созданные не ранее 2000 г., первый по времени создания текст с таким употреблением рассматриваемой лексемы датируется 2001 г., причем общее количество примеров такого употребления в газетном корпусе почти вдвое больше, чем в основном, что ясно указывает на путь проникновения данной инновации). Таким образом, расширение семантики слова *практика* в результате появления у него переносного значения (метонимия: деятельность → вид деятельности) и, соответственно, восполнение числовой парадигмы этого существительного следует, по-видимому, рассматривать как новейшее явление, имеющее место в контексте общего усиления контактных влияний со стороны английского языка.

Представляется, что появление у существительного *практика* указанного переносного значения также является результатом семантического калькирования с английского *practice*, имеющего в соответствующем значении ('the customary, habitual, or expected procedure or way of doing of something' [Oxford]) полную числовую парадигму, ср. следующие примеры, взятые из «Корпуса современного американского варианта английского языка» [СОСА]:

- (13) Cross-culturally, the posture of standing meditation [...] is used in the martial arts, **spiritual practices**, and in the military as a way of reinforcing and coalescing the three universal powers and of connecting with the greater being of who they are (A. Arrien. Four basic archetypal ways found in shamanic traditions // Fall90. Vol. 13. Issue 2. P. 59).
- (14) Thus, discourses exist both in written and oral forms and in the **social practices** of everyday life (P. Vila. Tango to folk: Hegemony construction and popular identities in Argentina // Studies in Latin American popular culture. 1991. Vol. 10. P. 107).

В качестве примеров (13) и (14) из корпуса специально выбраны предложения, содержащие коллокации *spiritual practices* и *social practices*, переводными эквивалентами которых являются употребленные в примерах (11) и (12) коллокации с формами мн. ч. существительного *практика*; при этом намеренно подбирались примеры из текстов, созданных в начале 1990-х годов (в корпус [СОСА] включены тексты, созданные в период с 1990 г. по настоящее время).

Приведенные соображения подтверждают гипотезу о том, что формирование нового значения у слова *практика* так же, как и в описанных выше случаях, происходит на основе устоявшейся переводной эквивалентности (*practice* = *практика*), причем результатом действия механизма калькирования и расширения семантического спектра лексемы *практика* в русском языке является восполнение числовой парадигмы этого существительного за счет употребления форм мн. ч. в стандартном вторичном значении этой грамеммы — «видовом множественном» (о вторичных значениях грамем числа см. [Плунгян 2003: 281—283]).

2. О понятии «вторичное заимствование» и его соотношении с понятием семантического калькирования

Расширение лексической семантики и восполнение парадигмы лексемы *практика* представляет особый интерес, поскольку это слово является заимствованным и его иноязычное происхождение обычно отражается в толковых словарях современного русского языка

(см., например, [МАС; Крысин 2010б]). Это обстоятельство важно в связи с вводимым в ряде авторитетных лингвистических работ (в том числе дидактического и справочного характера) понятием «вторичного заимствования» (см., например, [Крысин 2008: 106—112; 2010а: 161—167; Маринова 2012: 112—115; 2013: 136—137]).

Данным термином обозначаются случаи, когда «наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии» [Крысин 2008: 106; 2010а: 161]. Такое толкование не предполагает однозначного понимания того, является ли второе слово, которое совпадает с первым по форме, тем же словом, что и первое (в этом случае речь идет о расширении семантического потенциала уже существующей лексической единицы), или первое и второе слово являются разными словами (тогда имеется в виду вхождение в словарь новой лексической единицы, омонимичной уже существующей).

Легко видеть, что рассмотренный выше пример появления у лексемы *практика* нового значения подпадает под понятие «вторичного заимствования» в случае толкования последнего как расширения многозначности уже существующего в языке ранее заимствованного слова. Сам Л. П. Крысин, по-видимому, такое толкование допускает, поскольку включает в объем понятия «вторичного заимствования» случаи применения механизма калькирования к ранее заимствованным словам. В частности, относя к «вторичным заимствованиям» существительное *резюме* в значении «краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса и т. п.» [Крысин 2010б: 661], он отмечает, что «[э]то новое значение представляет собой семантическую кальку соответствующего значения многозначного английского слова *resume* [...]» [Крысин 2008: 108].

При этом понятие «вторичного заимствования», по-видимому, включает в себя не только случаи применения языкового механизма калькирования к ранее заимствованным лексическим единицам. К категории «вторичных заимствований» исследователи относят и случаи, когда заимствуется слово, материально совпадающее с другой, ранее заимствованной, лексической единицей, однако это совпадение ограничивается лишь материальной формой и новая единица не обнаруживает с ней семантической связи (по крайней мере, в русском языке такой связи не прослеживается).

Такая ситуация имеет место, в частности, в случаях позднейшего заимствования вторичных (переносных) значений ранее заимствованного слова при отсутствии в языке-реципиенте у этого слова исходного значения, на основе которого в языке-источнике имел место перенос наименования. Результатом такого «вторичного заимствования» становится омонимия. Характерным примером являются рассмотренные Л. П. Крысиным [Крысин 2008: 111—112] омонимы: более раннее заимствование *пилот*₁ — «летчик, управляющий летательным аппаратом» (к этому значению в последние десятилетия добавилось полученное семантическим калькированием значение «гонщик в некоторых видах автоспорта, например в гонках “Формулы-1”») и новейшее *пилот*₂ — «пробный выпуск печатного издания» (толкование Л. П. Крысина). В английском и французском языках у слова *pilot* (англ.) / *pilote* (франц.) присутствуют все указанные значения, однако значение, которому соответствует новейшее заимствование *пилот*₂, является производным (метафорический перенос) от значения «лоцман», отсутствующего у слова *пилот* в русском языке, ср. толкования англ. *pilot* — «[a] person with expert local knowledge qualified to take charge of a ship entering or leaving a harbour» [Oxford] / франц. *pilote* — «[m]arin habilité à assister le capitaine pour guider le navire dans les passages difficiles, à l'entrée ou à la sortie d'un port» [CNRTL].

Случаи другого типа, которые исследователи также рассматривают под рубрикой «вторичного заимствования», не отличая их от рассмотренных выше, — примеры позднейшего заимствования лексических единиц, изначально являющихся омонимичными ранее заимствованным в силу различного этимологического происхождения.

В частности, Е. В. Маринова относит ко «вторичным заимствованиям» слова *кейс* в значении «методика моделирования и анализа в сфере бизнеса [...]» [Маринова 2008: 393]

и *логистика* в значении «теория и практика управления матер.-тех. обеспечением, товарно-матер. запасами» [Маринова 2013: 136] на том основании, что в русском языке до появления указанных слов в приведенных значениях уже существовали заимствования с идентичным планом выражения, но с другими значениями. Полагая, что «[в]торичное, или повторное, заимствование так же, как и калькирование, представляет собой тип скрытого заимствования, так как в данном случае язык не получает фонетически нового слова (как при материальном заимствовании) — “перенимается” только значение иноязычного оригинала», исследовательница при этом не учитывает, что у рассматриваемых ею новых заимствований и у ранее существовавших в русском языке слов с теми же экспонентами «иноязычные оригиналы» различны.

Так, прототипы омонимов *кейс*₂ (в указанном автором значении) и более раннего заимствования *кейс*₁ (‘портфель с жестким прямоугольным каркасом, похожий на небольшой чемоданчик’) являются омонимами уже в языке-источнике (английском), поскольку восходят к разным этимонам: *case*₁ (‘чемодан’) < ст.-франц. *casse, chasse* (совр. франц. *caisse* ‘ларь, сундук, касса’, ср. также русск. *касса, chässe* ‘церк. рака, оправа (очков)’) < лат. *capsa*, от лат. глагола *capere* ‘брать’; *case*₂ (‘случай’) < ст.-франц. *cas* < *casus* ‘падение’, от лат. глагола *cadere* ‘падать’ (данные этимологических справок соответствующих статей словаря [Oxford]).

Омонимы *логистика*₁ (‘математическая логика’ и т. п. (см. [Крысин 2010б: 443]) и *логистика*₂ (см. толкование Е. В. Мариновой выше) также соотносятся с разными этимонами: *логистика*₁ является немецким заимствованием (*Logistik*), содержащим в себе греческий по происхождению корень, представленный также в слове *логика*; *логистика*₂ — от англ. *logistics* (см. [Там же: 443]), заимствованного из французского языка (*logistique* < *loger* ‘помещать, размещать’) [Oxford: данные этимологической справки в статье *logistics*].

Представляется, что высказанные выше соображения не оставляют сомнений в том, что при омонимии ранее заимствованного слова и иноязычного неологизма речь не может идти о скрытом заимствовании, то есть о такой форме заимствования, когда «язык-реципиент принимает из языка-источника только семантику языкового знака, используя для плана выражения этой семантики исконное слово или более раннее заимствование» [Маринова 2013: 98]: ясно, что совпадение плана выражения омонимов — например *логистика*₁ и *логистика*₂ — носит с точки зрения языковой системы чисто случайный характер и язык не может как-либо использовать более раннее заимствование для выражения новой семантики.

Иными словами, при отсутствии семантической связи между «старым» и «новым» заимствованиями применение механизма семантического калькирования невозможно, и в данном случае можно говорить лишь о материальном (а не скрытом) заимствовании, то есть о заимствовании не только содержания, но и экспонента. Это подтверждается и тем, что у «вторичных» и «первичных» заимствований могут обнаруживаться некоторые различия в плане выражения. В частности, рассматривая среди прочих «вторичных» заимствований прилагательное *транспарентный*, Л. П. Крысин справедливо указывает на его отличие от прилагательного *транспарантный*, образованного от «первичного» заимствования *транспарант* (см. [Крысин 2008: 110; 2010а: 164]).

Таким образом, понятие «вторичного заимствования» включает в себя различные по своей природе явления, и соответствующий термин, в отличие от термина «семантическое калькирование», не является обозначением какого-либо лингвистического механизма контактного влияния одного языка на другой. Под рубрикой «вторичного заимствования» даже в работах одного и того же автора (см., например, [Маринова 2008; 2012; 2013]) в действительности рассматриваются случаи лексического заимствования и семантического калькирования, но только такие, когда новая лексическая единица материально совпадает (допускается даже неполное совпадение, см. [Маринова 2012: 115]) с уже имеющейся в словарном составе языка-реципиента и при этом материально заимствованной лексической единицей, вне зависимости от наличия или отсутствия этимологической и семантической связи между этими единицами. Такой объединяющий признак, как

представляется, не может быть признан достаточным основанием для выделения «вторичного заимствования» в качестве особого языкового механизма, отличного от материального заимствования и калькирования.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что семантическое калькирование представляет собой один из языковых механизмов контактного влияния, активно используемых языком-реципиентом для расширения семантического потенциала имеющихся лексических единиц за счет значений, имеющихся у их словарных эквивалентов в языке-источнике. Действие данного механизма иногда также способствует изменению в грамматике языка (например, именно семантическое калькирование является катализатором процесса восполнения числовых парадигм абстрактных существительных). При этом факт семантического калькирования достоверно выявляется только тогда, когда иноязычное слово, выступающее источником нового значения для некоторого слова языка-реципиента, является словарным переводным эквивалентом слова воспринимающего языка на уровне исходного значения, которое служит основой для переноса наименования в языке-источнике.

В отличие от термина «семантическое калькирование», который служит для обозначения определенного механизма контактного влияния одного языка на другой, термин «вторичное заимствование» отражает лишь факт вхождения в язык-реципиент лексической единицы (нового слова или нового значения уже имеющегося слова), совпадающей в плане выражения с ранее заимствованной языком-реципиентом единицей, независимо от того, является это совпадение закономерным или случайным. Употребление данного термина представляется оправданным лишь с точки зрения лексикографа — составителя словаря иноязычных слов, фиксирующего появление в языке новой лексической единицы, поскольку перед ним встает проблема разграничения явлений полисемии и омонимии. Именно такой подход имеет место в работах Л. П. Крысина (см. [Крысин 2008: 106—112; 2010а: 161—167]). Однако после установления происхождения «вторичного заимствования» и решения вопроса о наличии или отсутствии у него семантических связей с соответствующим «первичным заимствованием» анализируемый иноязычный неологизм (новое слово или значение) должен быть — в зависимости от результатов исследования — отнесен либо к материальным заимствованиям, либо к калькам.

Нельзя согласиться с точкой зрения Е. В. Мариновой [Маринова 2008: 388—393; 2012: 112—115; 2013: 83—85, 136—137], которая представляет «вторичное заимствование» как языковой механизм (процесс) «скрытого заимствования», по сути аналогичный семантическому калькированию, но отличающийся от него в первую очередь тем, что «[п]ри С. к. (семантическом калькировании. — А. Г.) слово, заимствующее знач[ение], чаще вс[его] является исконным» (оговорка «чаще всего» вызвана признанием того факта, что в качестве объекта калькирования могут использоваться и так называемые «старые» заимствования — *акула (бизнеса), команда (президента), электронная (почта)* — см. [Маринова 2013: 136].

Такой подход представляется неприемлемым, поскольку, как было показано выше, совпадение экспонентов при различии значений у заимствованных слов может быть вызвано разными причинами и обстоятельствами, в том числе может быть чисто случайным. Кроме того, надежных лингвистических критериев разграничения «старых» и «новых» заимствований не существует.

Таким образом, имеется лишь два языковых механизма расширения словарного состава языка посредством иноязычного контактного влияния — лексическое (материальное) заимствование и калькирование, в том числе семантическое. Понятие же «вторичного заимствования», включая в себя как случаи создания семантических калек на основе иноязычной лексики, так и случаи материального заимствования слов, омонимичных уже имеющимся в лексиконе иноязычным словам, однозначно не соотносится ни с каким языковым механизмом. Соответственно, и словосочетание «вторичное заимствование» не может быть

признано лингвистическим термином в том смысле, в каком таковыми являются терминологические обозначения «материальное заимствование» и «калькирование», поскольку в отличие от последних не описывает языковой механизм, раскрытие которого может быть целью исследования, а лишь обозначает фиксируемое на поверхностном уровне формальное совпадение, которое с точки зрения системы языка может быть как закономерным, так и абсолютно случайным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Балли 1961 — Балли Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. [Bally Ch. *Frantsuzskaya stilistika* [French stylistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1961.]
- Горбов 2014 — Горбов А. А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. № 1. С. 23—46. [Gorbov A. A. Number paradigms of abstract nouns in 20th century Russian: development trends and the influence of English. *Russian linguistics*. 2014. Vol. 38. № 1. Pp. 23—46.]
- Ермакова 2008 — Ермакова О. П. Семантические процессы // Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX—XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 33—99. [Ermakova O. P. Semantic processes. *Sovremennyy russkii yazyk: aktivnye protsessy na rubezhe XX—XXI vekov*. Krysin L. P. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008. Pp. 33—99.]
- Ефремов 1974 — Ефремов Л. П. Основы теории лексического калькирования. Алма-Ата: КазГУ, 1974. [Efremov L. P. *Osnovy teorii leksicheskogo kal'kirovaniya* [Fundamentals of lexical calquing]. Alma-Ata: Kazakhstan State Univ., 1974.]
- Земская, Розина 1994 — Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // *Русистика*. 1994. № 1—2. С. 96—112. [Zemskaya E. A., Rozina R. I. About the dictionary of modern Russian slang. Principles of compiling and examples of lexical entries. *Rusistika*. 1994. № 1—2. Pp. 96—112.]
- Крысин 1996 — Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Земская Е. А. (отв. ред.). Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 142—161. [Krysin L. P. Foreign words in modern public life. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985—1995)*. Zemskaya E. A. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996. Pp. 142—161.]
- Крысин 2000 — Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm>. [Krysin L. P. About some changes in the late 20th century Russian. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam*. 2000. № 5. Available at: www.philology.ru/linguistics2/krysin-00.htm]
- Крысин 2002 — Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 27—34. [Krysin L. P. Lexical borrowing and calquing in the Russian language of the last decades. *Voprosy jazykoznanija*. 2002. № 6. Pp. 27—34.]
- Крысин 2004 — Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Krysin L. P. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, native and foreign: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Крысин 2008 — Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. [Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries: essays on the Russian lexis and lexicography]. Moscow: Znak, 2008.]
- Крысин 2010а — Крысин Л. П. (отв. ред.). Современный русский язык: Система — норма — узуc. М.: Языки славянских культур, 2010. [Krysin L. P. (ed.). *Sovremennyy russkii yazyk: Sistema — norma — uzus* [Modern Russian: System — norm — usage]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Крысин 2010б — Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2010. [Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Defining dictionary of foreign words]. Moscow: EKSMO, 2010.]
- ЛЭС — Ярцева В. Н. (гл. ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Yartseva V. N. (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [The linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990.]
- Маринова 2008 — Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. [Marinova E. V.

Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign words in the Russian speech of the late 20th century — early 21st century: problems of assimilation and functioning]. Moscow: ELPIS, 2008.]

- Маринова 2012 — Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. [Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie* [Foreign words in modern Russian: a work book]. Moscow: Flinta; Nauka, 2012.]
- Маринова 2013 — Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2013. [Marinova E. V. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The borrowing theory in basic concepts and terms: a dictionary-reference guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. [Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The Russian language dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1985.]
- НБАРС — Апресян Ю. Д., Медникова Э. М. (ред.). Новый большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1993—1994. [Apresyan Yu. D., Mednikova E. M. (red.). *Novyi bol'shoi anglo-russkii slovar'* [New English-Russian dictionary]. Moscow: Russkii Yazyk, 1993—1994.]
- НБРАС — Ермолович Д. И., Красавина Т. М. Новый большой русско-английский словарь. М.: Русский язык; Медиа, 2008. [Ermolovich D. I., Krasavina T. M. *Novyi bol'shoi russko-angliiskii slovar'* [New Russian-English dictionary]. Moscow: Russkii yazyk; Media, 2008.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru/> [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru]
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. [Plungian V. A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the problematics]. M.: Editorial URSS, 2003.]
- Резник 2008 — Резник Ю. М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М.: Институт философии РАН, 2008. Вып. 2. С. 84—102. [Reznik Yu. M. The man and his social practices. *Chelovek vchera i segodnya: mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. Moscow: Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences, 2008. Вып. 2. Pp. 84—102.]
- Скляревская 2008 — Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: ЭКСМО, 2008. [Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Defining dictionary of the early 21st century Russian]. Moscow: EKSMO, 2008.]
- Сорокин 1965 — Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. [Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka v 30—90-e gg. XIX v.* [Development of Standard Russian lexis in the 30s—90s of the 19th century]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965.]
- Ушаков — Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935—1940. [Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Defining dictionary of the Russian language]. M.: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei, 1935—1940.]
- CNRTL — *Centre national de ressources textuelles et lexicales*. Available at: <http://www.cnrtl.fr/>
- COCA — *Corpus of Contemporary American English*. Available at: <http://corpus.byu.edu/coca/>
- Longman — *The Longman dictionary of contemporary English online*. Available at: <http://www.ldoceonline.com/>
- Oxford — *Oxford dictionaries*. Available at: <http://oxforddictionaries.com/>

Статья поступила в редакцию 04.07.2014.